

Авдеева Людмила Евгеньевна

Раненая книга

Я родилась в Москве 2 октября в 1943 года и по настоящее время живу на Новой Басманной улице.

Мой отец, Шмигельский Евгений Осипович, имел две профессии – педагога и экономиста, а также был еще и внештатным корреспондентом газеты «Гудок». Он умер, когда мне было 11 лет, успев «заразить» меня любовью к книгам, литературе, «писательству».

Мама моя, Нина Михайловна, всю свою жизнь, как и бабушка, проработала в поликлинике Министерства путей сообщения, и обе мечтали, что я стану врачом. Я закончила с золотой медалью среднюю школу № 349, находившуюся тогда в 1-м Басманном переулке и поступила на филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, который закончила с отличием, с красным дипломом. Почти одновременно получила дипломы об окончании факультетов эстетики и истории театрального искусства Всероссийского театрального общества (ВТО).

В студенческие годы познакомилась со своим будущим мужем, Геннадием Авдеевым, учившимся на отделении персидского языка Института восточных языков (теперь Институт стран Азии и Африки). По распределению мужа

поехали в свою первую длительную командировку в Иран, где он работал переводчиком с фарси на металлургическом заводе в Исфагане, а я преподавала русский язык. Когда вернулись в Москву в 1973 г., то уже не только муж, специалист по мусульманским странам Востока, но и я была увлечена восточной культурой, искусством, литературой. Муж стал работать в Союзе советских обществ дружбы ответственным секретарем обществ дружбы с Ираном и с Афганистаном, писал кандидатскую диссертацию. А я, работая редактором, была членом этих обществ и сотрудничала с Агентством печати «Новости» (АПН), с Гостелерадио и с рядом крупных журналов.

Когда в Афганистане в 1978 году произошла Апрельская (Саурская) революция, мы с огромным интересом следили за революционными преобразованиями, сообщениями печати, работали с делегациями, приезжавшими из Афганистана. А так как разговор уже шел о новой заграничной командировке, мы не сомневались, что нас отправят в Афганистан.

Хочу помочь Афганистану

Готовясь к поездке в Афганистан, я перечитала много литературы, начиная с обращения «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», принятого в 1917 году Советом Народных Комиссаров РСФСР, все договоры о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Как было не стремиться на помощь афганскому народу, если именно эта нищая и голодная страна, страна высоких гор и безводных пустынь направила в 1921 году в качестве дара народа Афганистана голодающему населению Поволжья сотни тысяч пудов пшеницы.

Мне хотелось поближе познакомиться с жизнью и культурой афганского народа. Наступил 1979 год, и положение в Афганистане стало меняться. Контрреволюция подняла голову, над древней афганской землей сгустились тучи войны. С мая 1979 года правительство Афганистана 14 раз обращалось за помощью к Советскому Союзу. Зрело решение о направлении в Афганистан ограниченного контингента советских войск. Среди наших известнейших востоковедов - ученых, входивших в правление советско-

афганского общества дружбы и разбирающихся, как никто, в «восточных вопросах» не было единодушного одобрения этого решения.

Никогда не забуду переживаний нашего старшего доброго друга и учителя моего мужа, профессора, доктора исторических наук Николая Александровича Дворянкова, которого в Афганистане почитали и знали даже простые люди. Он воспринял решение о вводе войск, как личную трагедию, ссылаясь на вековую историю этой древней страны, населенной свободолюбивым народом, дух и природу которого он хорошо знал и понимал. Он предвидел, какой длительной, кровопролитной будет эта война и сколько жертв будет с нашей стороны. Его сердце не выдержало переживаний. Мой муж успел застать умирающего Николая Александровича. Последние его мысли были о судьбе Афганистана, изучению которого он посвятил свою жизнь. Ученому не было и шестидесяти.

Но положение в Афганистане усугублялось, и, так как создавалась определенная опасность нашим южным границам, в соответствии с уставом Организации объединенных наций и Договором о дружбе 1972 года решение о вводе советские войск было принято. Сколько тогда людей, особенно молодых, горели искренним желанием конкретным делом оказать интернациональную помощь афганскому народу, добровольно отправиться в неизвестную далекую страну.

Муж в составе делегации ССОД за несколько месяцев до ввода войск съездил в Кабул, встречался в Президентском дворце с главой государства - Нур Мухаммедом Тараки и, вернувшись, рассказывал какой это интеллигентный, интересный собеседник, улыбчивый, но очень уставший человек. Присутствовал на их встрече молодой и физически сильный Амин, вероятно, уже тогда замышлявший захватить власть и готовивший расправы с интеллигенцией, партийными и военными кадрами и священнослужителями. Тараки был еще и профессиональным писателем, и я уже представляла себе, как познакомлюсь с его творчеством сама и смогу рассказать о нем советским читателям.

Но человек предполагает, а судьба располагает.

Мы едем на восток, но в Иран

Внутренне мы уже были настроены на командировку в Афганистан. Но нас командировали снова в Иран: мужа первым секретарем посольства и директором Дома советской науки и культуры (ДСНК), а меня - заведовать библиотекой и преподавать русский язык. В феврале 1979 года в Иране тоже произошла революция, но она носила антимонархический исламский характер. Конечно, это было незабываемое время, когда мы стали очевидцами грандиозных исторических событий, полных трагических страниц. Эйфория революции с демонстрациями и митингами, многочисленные жертвы, среди которых были и мои студенты, возвращение в страну лидера, основателя нового государства имама Хомейни, длительная изнурительная ирано-иракская война. Все эти события легли в основу сотен моих статей и очерков, вылились в четыре поэтические книги, изданные издательством «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований. («Душа подарена Ирану», «Весенние сады Ирана», «Вновь о любви запели соловьи», «Путь к Свободе» - изданы на русском и фарси). Стала я и одним из авторов коллективных академических изданий Института востоковедения: «Уроки иранской революции 1979 года» и справочника «Современный Иран».

Четыре года в Иране были по-своему незабываемы, интересны, трагичны и постоянно связаны с событиями в Афганистане. Здесь мы узнали о трагической гибели Нур Мухаммеда Тараки, о вводе 27 декабря 1979 года Ограниченного контингента советских войск в Афганистан, о свержении режима Амина, участвовавшего в злодейском убийстве Тараки и уничтожении сторонников демократических преобразований в стране. Приходилось неоднократно иметь дело и с беженцами из Афганистана, а в ночь на Новый 1980 год вместо праздничного застолья пройти через их провокационные действия по захвату советского посольства в Тегеране. Здесь есть что вспомнить, но это уже другая история.

Наконец, Кабул

Вернувшись из Исламской республики Иран на наши прежние рабочие места, соскучившиеся по родным, близким, друзьям, шумным московским улицам, подмосковной природе, мы намеревались уже оставаться в Москве. Муж защитил кандидатскую диссертацию и начал работать над докторской диссертацией. Я вступила в несколько творческих союзов, стала членом правления Московского фонда культуры, начала сотрудничать с крупными отечественными и зарубежными изданиями. Да и здоровье наших мам не становилось крепче от ожиданий и переживаний. Незаметно прошли почти два года. И тут пришло назначение в Кабул.

Помню, как самолет, оставив позади горные массивы Гиндукуша, сбрасывает высоту и приближается к залитой солнцем долине, в которой расположен Кабул. Сразу же с аэропорта едем в Дом советской науки и культуры (ДСНК), где предстоит и жить, и работать. Красивое, даже экстравагантное, необычной формы здание, построенное по проекту архитектора-киприота Маркуса, окончившего Московский архитектурный институт. Здесь же живут еще несколько семей сотрудников и преподаватели курсов русского языка. На территории хорошая библиотека, есть баня, сауна с маленьким бассейном, большой современный актовый зал, где отмечаются советские и афганские национальные праздники, показывают советские фильмы, здесь собирается на свои собрания партийно-хозяйственный актив Народно-демократической партии Афганистана (НДПА).

ДСНК охраняется постоянно афганским царандой (милицией) и нашими советскими ребятами-солдатами, когда идут большие мероприятия. Оказалось, что охрана необходима, потому что с наступлением темноты душманы просачиваются в город, в окрестностях часто слышатся выстрелы, иногда взрывы. И хотя жизнь в Кабуле кипит, бойко торгуют дуканы, основной безошибочный барометр покоя все-таки газетные репортажи из Афганистана, сообщавшие, что душманское движение уже уничтожено и остались отдельные бандиты, скорее желаемое, чем реальность. Бои

продолжаются, гибнут и партийцы афганцы и наши военнослужащие, и мирное население.

Почти каждую неделю в афганских газетах появлялись сообщения о зверствах душманов. Нам предстояло привыкать и к ночной стрельбе, и к оглушительной тишине после выстрелов, и к жутковатому, тоскливому и протяжному завыванию кабульских собак, чувствовавших кровь, и к ранним крикам петухов. К звукам войны человек привыкает быстро и на третьи-четвертые сутки спит, не обращая внимания на отдаленную стрельбу. В этом я убедилась на собственном опыте еще в Иране. Стрельба воспринимается как обычное, повседневное и больше тревожит затишье. К звукам тишины, мира привыкать сложнее. Разница во времени с Москвой в Кабуле только полчаса. Темнеет рано, но рассвет тоже наступает рано, и просыпались мы часто от громкой молитвы муллы. Утро и день почти всегда были тихими, мирными. Гудели базары, шумели улицы, толпился народ в дуканах. Стрельба начиналась ближе к ночи.

Попав в Афганистан, мы, как бы попали и в иную эпоху. В Афганистане по лунному мусульманскому календарю был 1364 год, соответствующий нашему 1985 году. Ходила шутка, что здесь еще и Куликовская битва впереди. И действительно, казалось, что далекая феодальная эпоха на афганской земле не кончалась. 90 % населения к началу апрельской революции оставалось неграмотным, лечилось в основном у знахарей, детская смертность ужасающая, женщины лишены самых элементарных человеческих прав, недаром с далеких времен сохранилась пословица: «Лучше родить камень, чем дочь».

К нашему приезду общенациональная компания по борьбе с неграмотностью шла полным ходом, было запрещено насильно отдавать девушек замуж, упразднены ранние браки, создана Демократическая организация женщин Афганистана, которую возглавляла пламенная революционерка, яркая красивая женщина Анахита, смелая, рискованная, пользовавшаяся большим уважением в стране, с которой было необычайно интересно общаться, как и с другими неординарными женщинами, с которыми я легко, по-настоящему, подружилась.

Уже в первые дни я ушла в работу с головой. В библиотеку с утра толпами шли студенты, школьники,

служащие за журналами и книгами, а новых поступлений различной тематики на русском, английском, дари было так много, что обработать и зарегистрировать сотни изданий не хватало рабочего времени и приходилось задерживаться допоздна. Обязательно кто-то приходил поработать с научной или учебной литературой и в читальный зал. Желающих изучать русский язык было сверх нормы, и занимались в две смены. Учащихся интересовало все, связанное с Советским Союзом – и историческое прошлое и современные достижения. Они с удовольствием рассказывали и о своих обычаях, традициях, передающихся из поколения в поколение. Причем среди учащихся были не только молодые, мечтавшие учиться в Советском Союзе, но и отцы больших семейств, планирующие заняться бизнесом. Был среди моих учеников служащий банка, пожилой человек с совсем седой бородкой, который поучал молодых, что учиться никогда не поздно, что у необразованного человека нет будущего.

Приходили афганцы, часто целыми семьями, и в кинозал посмотреть советские фильмы, из которых особенный интерес вызывали картины исторической тематики и о Великой Отечественной войне. Принимали участие, особенно афганская молодежь, и в торжественных мероприятиях, литературных вечерах, вечерах вопросов и ответов, которые устраивали при библиотеке. Правда, иногда в городе отключали электричество, и дом погружался в темноту, но через какое-то время начинал работать движок, и снова продолжалась наша работа.

Ежедневно, общаясь с молодежью, деятелями культуры и науки, служащими, рабочими, я не только находила среди них друзей, но и черпала из их судеб материалы для будущих книг. Но чаще всего приходили учителя школ и лицеев и преподаватели вузов. Беседы шли обо всем, но тема дружбы наших народов всегда была в центре. Разве могли забыть наши афганские друзья, что с помощью Советского Союза была возведена гидроэлектростанция в Наглу, построен завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе, Политехнический институт, авторемонтный завод, элеватор в Кабуле, ирригационная система под Джелалабадом, газовые промыслы в Шабиргане. Да разве все перечислишь. А теперь в стране шла земельная реформа, создавались кооперативы,

работали тысячи курсов по ликвидации неграмотности, строились больницы.

Народный учитель – профессия мужества

Еще до отъезда в Кабул я вела афганскую страницу в разделе «Весь мир» в «Учительской газете», и в Афганистан я поехала не только как зав. библиотекой и преподаватель русского, но и как собственный корреспондент газеты. Еженедельно я должна была отправлять в редакцию материалы, посвященные вопросам образования и просвещения в стране. Я много встречалась со школьными учителями, приезжавшими за литературой из разных точек страны, даже из глубинки и из кишлаков.

Быть народным учителем в это грозное время в Афганистане значило находиться на самой передовой позиции. Нужны были не только педагогические знания, но смелость, владение оружием. А ведь среди учителей было немало женщин и совсем юных девушек. Каким мужеством обладали эти люди, знавшие, как жестоко расправлялись душманы с их коллегами, как не щадили и детей, посмеявшихся за парты. Сколько школ и лицеев было разрушено и сожжено, сколько преподавателей и школьников было зверски убито и искалечено.

Страшные рассказы об отрубленных у детей пальцах, руках, выколотых глазах, пробитых кольями животах, холодили сердце. А как расправлялись с учителями, сдирая с живых кожу, четвертуя и садистки издеваясь, описывать не берусь.

Часто бывала и в афганских школах, рассказывала о жизни школьников в нашей стране. Частыми были встречи в лицее Хабибия, который сами афганцы сравнивали с французской Сорбонной и английским Кембриджем. И действительно там учились многие будущие известные люди страны, ученые и писатели. За два с лишним года пребывания в Афганистане написала сотни статей, очерков, интервью не только для «Учительской газеты», АПН, но и для журналов «Советская женщина», «Наука и религия», «Детская литература», «Театр», «Культура и Жизнь», «Советская культура», «На боевом посту», «Искусство кино» и др.

Публиковалась и на страницах афганской печати в журналах «Джаван», «Жвандун», «Занани Афганистан», «Аваз», «Урду», «Мирман».

Афганских читателей я знакомила с советской действительностью, а героями моих очерков для советского читателя становились учителя, врачи, партийные работники, члены Демократического союза афганской молодежи. Со всеми этими людьми складывались теплые отношения взаимного доверия. За чашкой чая и нехитрой закуской шли откровенные беседы, в которых была вера, что все недоброе скоро кончится и останется только в воспоминаниях.

«Афганец» – ветер коварный

Погода в Кабуле может меняться стремительно. Тихую зимнюю звездную ночь нарушает грохот снежного обвала. А тоскливое серое утро может сохранить свой сумрак до вечера. Весь день падает густой сырой снег, а на следующее утро выйдет необычайно яркое солнце, небо будет бездонным, снег сверкающим, слепящим.

Иногда декабрьское солнце припекает сильно, и асфальт покрывается пылью, а земля начинает липнуть к ногам. Но особенно коварен ветер, названный «афганцем». Он, как и душманы, налетает внезапно, с завыванием, неся мелкую пыль, забивающую ноздри и глаза. Правда, «афганец» налетает ненадолго и, ослабевая, вновь открывает вершины Гиндукуша, отчетливо видимые на фоне голубого неба в хорошую погоду.

Но если «афганец» застает на улице, приятного мало, даже в машинах закрывают окна, несмотря на духоту. А что испытывают те, кто ожидает боя или находится в засаде?

А вообще афганская земля хоть от солнца и может превратиться в камень, но в пору дождей оживает и родит зерно, из которого получается пышный хлеб (нан), похожий на лаваш. Интересно смотреть, как их выпекают, прилепляя сырые лепешки к бокам печи, и тут же продают. Растут здесь и сладкие, как сахар, рыжие дыни и толстые арбузы. А какие тюльпаны расцветают весной в горах. Глаз не оторвать. На алые, как кровь тюльпаны, я насмотрелась и в Иране, где они стали символом памяти погибших шахидов.

Как хочется дождаться мира и на этой многострадальной земле. Тогда наши ребята, молодые солдаты и офицеры, будут возвращаться на Родину с букетами этих алых тюльпанов для своих матерей, жен, любимых, а пока...

В госпитальных палатах

В Кабульском госпитале и в Главном Кабульском медицинском центре мне приходилось бывать часто. При советском посольстве работал женсовет из жен специалистов и преподавателей курсов русского языка. И святой обязанностью каждой женщины было посещение наших раненых, которым несли сладости, домашние пирожки, фрукты, читали книги, помогали писать письма домой. Находясь в госпитале старались поддержать совсем юных искалеченных ребят, а, возвращаясь, давали волю эмоциям и слезам, и вопрос: «Сколько же это еще продлится?» - мучил всех. В палатах пахло химией, слышались стоны оперированных. О чем думали эти ребята в одиночестве долгих ночей, сдерживая свою боль. Здесь в Афгане они оставляли самое дорогое – свое здоровье, годы юности, часто жизнь.

Помню, как навещали тогда мало кому известного Руслана Аушева, мужественного, веселого парня из Ингушетии. Никому и в голову тогда не могло прийти, что пройдут годы, и Герой Советского Союза Аушев станет президентом в своей беспокойной республике. А тогда кто-то из пациентов сказал: «Пройдут годы, и журналисты будут искать нас, просить откликнуться и все вспомнить».

Многие из них не дожили до этих дней воспоминаний. Это им, павшим – Александру Карявину, солдату из подмосковного Загорска, ныне Сергиева Посада, закрывшему своим телом командира; лейтенанту Лобачевскому, связисту, смертельно раненому в сердце у кишлака Малям-Гулям под Ханабодом в 1987 году; тем 18-ти ребятам из строительной роты, зверски убитым душманами осенью 1986 года в 10 километрах от Кабула возле речки Кабулки; Владимиру Селиванову из города Брянска, погибшему под Гератом, с матерью которого Марией Николаевной я долго переписывалась, уже вернувшись в Москву, шести павшим

солдатам из города Воскресенска и многим другим отдала я долг памяти в своем поэтическом сборнике «У памяти в плену».

Посещала я и Главный медицинский центр в Кабуле, построенный при помощи СССР, оснащенный современной медицинской техникой. Здесь работали наши и афганские врачи. А возглавлял центр полковник, доктор Валаят, закончивший с отличием Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Помню, как он, хорошо знавший советскую литературу, рассказывал сам и просил рассказывать бойцам, которым пришлось ампутировать ноги, о подвиге Маресьева и сожалел, что книга Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» не переведена на дари.

Советские врачи вели здесь и прием населения. Среди пациентов было немало тех, кто никогда ранее не видел людей в белых халатах, поэтому и свирепствовали эпидемии холеры, дизентерии, оспы, особенно среди детей. Сюда в больничные палаты мы приносили журналы, брошюры, присланные в библиотеку ДСНК из Москвы, интересные книги. О том, какую одна из присланных книг сыграла роль в моей жизни, я расскажу ниже.

Новый 1365 год и комендантский час

Новый год - Новруз наступает на Востоке 21 марта. Исторически это крестьянский праздник, когда начиналась работа в поле, высаживались молодые деревья.

1986 год был нашим первым годом в Кабуле. По мусульманскому календарю наступал 1365 год. До Куликовской битвы, действительно, было далеко. В Афганистане из нашего летоисчисления отнимают 621.

На Новруз в марте нас с мужем пригласил афганский поэт Мир Абдул Кадыр Абхар, выпускник Ленинградского педагогического института, родом из провинции Парван. Семья Абхара встретила радушно. На праздничном столе согласно традиции располагаются семь продуктов на букву «син»: яблоки (сиб), овощи - зелень (сабзи), уксус (серке), ростки пшеницы (самане), блюдо со сладостями. Горят свечи, раскрыт Коран. Абхар с сыновьями приготовил душистый плов, с рассыпчатым рисом, зернами граната. Сидели долго,

слушали рассказы хозяина о проблемах в экономике, образовании, его воспоминания о студенческой жизни в Ленинграде.

Расслабились и забыли о давно наступившем комендантском часе. Оставаться нельзя. Надо ехать. Муж за рулем. Я на заднем сиденье. Темнеет рано. Немного отъехали, вдруг яркий свет фонаря прямо в глаза и крик, требующий остановиться: «Дриш!» Вспоминаю, что нас предупреждали: в подобных случаях лучше из машины не выходить, сообщать патрулю, что дипломаты из посольства, документы показывать из окна через стекло. Но крик повторяется. Мы останавливаемся и по требованию трех подошедших вооруженных людей выходим из машины. Они, ничего не спрашивая, обыскивают машину внутри, открывают багажник. «Шурави» («Советский?»), - спрашивает старший.

И тут муж начинает спокойно говорить по фарси и все трое в полном удивлении оттого, что он так свободно владеет их языком. Начинают расспрашивать, лица смягчаются, появляется улыбка. Двое отходят и, пошептавшись, предлагают нам сопровождающим того, что помоложе, ведь впереди не один ночной патруль, да и члены отрядов самообороны не дремлют, выходят на дежурство. Расстаемся по-доброму, отказавшись от помощи. И напрасно. Через несколько метров все повторяется, но теперь в нашу машину садится худой шустрый паренек с винтовкой, замотанный в теплую шаль и мы быстро и благополучно минуем все посты и патрули. Но этот случай служит нам уроком в будущем, и все встречи вне ДСНК мы стараемся закончить во время.

Да и праздники, особенно Новый год, лучше всего отмечать в своем коллективе, где обязательно на столе окажется и черный хлеб, и припрятанная кем-то на случай баночка селедки и русская водка, а женщины покажут свое кулинарное искусство. Елки живой, пушистой, пахнущей морозцем, конечно, не будет. Но будет сделанный из ваты снег.

И поднимали мы тогда наши бокалы за счастье и покой, за возвращение живыми на родину наших мальчишек солдат, которые, возможно, в это самое время, где-то в горах принимали неравный бой с душманами или стонали от боли на операционном столе.

Шел 1986 год, а впереди было еще два долгих года войны.

Раненая книга или «случайное попадание»

На книжной полке в моей квартире стоит толстый большой фотоальбом «Таджикистан», почти насквозь пробитый осколком снаряда. От сквозного ранения книгу уберегла твердая обложка, треснувшая, но задержавшая осколок, а меня спасла эта книга, принявшая на себя удар, как бронезилет.

Был как всегда душный, знойный августовский вечер. В ДСНК закончилось профсоюзное собрание специалистов. Мужчины отправились кто в бассейн, кто в баньку, кто по домам, благо все располагалось рядом на одной территории. А я пошла в библиотеку, так как надо было подготовить стенд новых книжных поступлений. С утра должны были приехать афганские учителя из провинций за подборками художественной литературы для детей и взрослых.

Было тихо и работалось спокойно. Но тишина коварна и бывает громче самого сильного грома. И тут в наступающую темноту вечера внезапно ворвался яркий сноп пламени, будто солнце упало на землю и сразу же с гор, окружающих Кабул началась стрельба, усиливающаяся с каждой секундой. С ближайшего горного массива ДСНК был виден, как на ладони. Я стала складывать исписанные листы, приподнялась из-за стола, и тут же раздался звон разбитого оконного стекла. Книжный стенд, стоящий напротив окна около моего стола затрясло, и на стол передо мной свалился огромный фотоальбом, почти насквозь пробитый осколком снаряда. Я взяла его в руки. В центре была внушительная глубокая пробоина, в которой застрял кусок осколка снаряда.

Я не сразу сообразила, что книга стояла прямо на уровне моей груди, и альбом заслонил меня если не от смерти, то от ранения. Когда я выскочила в коридор, там уже полураздетые мужчины, выбежавшие из бани и бассейна, тушили повсеместно, вновь и вновь вспыхивающие фосфорические с неприятным запахом вспышки. Одна из невзорвавшихся ракет, хлопнувшись около офисного помещения ДСНК начала вкручиваться в землю, выплевывая какую-то маслянистую,

клейкую, желтоватую с резким запахом массу, залепившую стены и окна снаружи. Немало потом пришлось повозиться нашим женщинам, оттирая эти неприятные следы. Стекла были выбиты еще в нескольких помещениях. Несколько человек суеились около тяжело раненого, совсем юного солдата из охраны ДСНК, которому нужна была срочная операция (в тот же вечер молодому солдату удалили селезенку).

Обстрел продолжался еще некоторое время. Затем наступила обычная после взрывов и выстрелов оглушительная, гулкая, нереальная тишина. Почти всю ночь убирали помещение, но еще несколько дней вечерний обстрел напоминал о себе долго державшимся запахом гари, выбитыми стеклами и пробитым снарядам альбомом. Раненую книгу, как испорченный экземпляр, пришлось списать из библиотечного фонда. Но уничтожить ее, как полагалось по инструкции, не поднялась рука. И я забрала своего спасителя в Москву. Каждый раз, когда я подхожу к книжным полкам, фотоальбом вновь и вновь напоминает мне о том уже далеком, но навсегда оставшемся в памяти незабываемом времени.

Второе рождение

Второго октября у меня день рождения. В это время, в 1987 году, в Кабуле находилась высокая делегация из Азербайджана, приехавшая на торжества по случаю очередной годовщины Великой Октябрьской революции и мы с мужем были среди тех, кто должен был сопровождать делегацию. Мой день рождения отметили вместе с живущими поблизости советскими специалистами, нашими афганскими друзьями-журналистами, поэтами и членами делегации.

На следующий день начались многочисленные поездки, интересные встречи с членами НДПА (народно-демократической партии Афганистана), ДОМА (Демократической организации молодежи), в Кабульском политехническом институте, с деятелями культуры и науки. Вечером возвращались в гостиницу, смотрели последние известия, в которых всегда была подробная информация о визите азербайджанской делегации.

Вот и 8 октября вернулись в гостиницу к вечерним «Новостям», расположились в просторном холле, включили телевизор. Все дела были сделаны. Ноги устало гудели. Собрались попить чая и обсудить программу на завтра. И вдруг тревожную тишину комендантского часа буквально располосовал резкий звук очереди, вслед за которым неимоверной силы грохот потряс здание, и зарево огня осветило помещение.

Гостиница мгновенно погрузилась в темноту, и не успели мы осознать происходящее, как взрывной волной буквально вырвало застекленную часть стены, она рухнула, осыпая нас осколками. С высоких тумб вдоль стены посыпались на пол, разлетаясь на куски фарфоровые вазы с цветами. «Ложись!» - крикнул кто-то из присутствующих и, увлекая за собой сидящую рядом Салмаз, я вместе с ней скатилась на ковер, усыпанный осколками стекла.

Не знаю почему, интуитивно взглянула на часы. 19 часов 48 минут. Зачем запоминать свой смертный миг? Едва успела закрыть одной рукой свою голову, другой голову Салмаз, как прогремел еще один взрыв и новые осколки стекол и куски штукатурки буквально засыпали нас, а рот и нос забило пылью и дымом, губы одеревенели. Затем на какие-то мгновенья наступила немая тишина, в которой слышен только стук собственного сердца.

В следующее мгновенье сразу же послышались с улицы крики о помощи, громкий плач. Оглушенные, с кровотокающими порезами на руках, посеченными стекольной крошкой щеками и лбами, мы стали подниматься, какими-то излишне нервными тревожными движениями ощупывать друг друга. Потом выскочили на улицу, где все было буквально охвачено огнем пожара.

То, что мы увидели, не забудется никогда. В небо летело каменное крошево, обломки. Рвалось буквально все. Огонь расцветивал стены. Пахло порохом и дымом, вкус которых запомнился навсегда. Развороченные машины, на которых мы час назад приехали к зданию НДПР, громоздились грудями металлолома. Около одной, завалившейся на бок, со сдернутой крышкой капота и выбитым ветровым стеклом лежал молодой убитый шофер. Из окна другой свешивалось мертвое тело пожилого шофера. Вдоль стены лежали в неестественных

позах несколько убитых. Из окон соседнего дома вырывались языки пламени. Нечеловеческим хриплым голосом кричала молодая афганка, склонившись над окровавленным стариком, прижимавшим к себе мертвого подростка.

Люди бежали: одни к месту трагедии, другие подальше от нее. От увиденного перехватило горло, холод и жар одновременно ударили в грудь. Казалось, что плачу, а слез не было.

Как потом выяснилось, эти взрывы были заранее подготовленным терактом. Около гостиницы был оставлен «Фольксваген», начиненный динамитом. О многочисленных жертвах среди мирного населения Кабула на следующий день сообщали афганские газеты. Прошла информация и в нашей прессе.

В тот жуткий вечер мы еще долго находились в том шоковом состоянии, когда исчезает страх и чувство самосохранения и концентрируются все силы для действия. Мы помогали раненым, успокаивали рыдающих, безуспешно пытались связаться с ДСНК. Страх не было и следа, а вот мысль, что переход от бытия к небытию так прост и короток, буквально преследовала.

К утру нас и членов делегации вывезли из охваченного огнем района. В ДСНК в эту ночь никто не спал, не надеясь увидеть нас живыми. Измазанных копотью и грязью, с потемневшими, иссеченными стекольной крошкой лицами и усталыми глазами, нас обнимали наши друзья и коллеги, повторяя, что мы родились в рубашке.

Кто-то из женщин плакал, нас поили водкой для снятия стресса, хотя все пережившие эти трагические часы были более спокойны и сдержанны, чем ожидавшие известий. Прорыв чувств произошел на следующий день, когда по ТВ показали запись того огненного ада, в котором мы были. Глядя на телевизионные кадры и лица погибших, среди которых были старики, женщины, дети, я вновь пережила те мгновения встречи со смертью.

Освобождением от внутреннего напряжения стали стихи, которые одно за другим диктовала память, которые приняли на себя весь груз увиденного и пережитого, со временем сложившись в книгу «У памяти в плену», посвященную павшим друзьям, мужеству воинов-интернационалистов,

правде тех далеких лет, когда кровавое 8 октября стало днем моего второго рождения.

Ночь над Кабулом. Тишина. Вдруг страшный взрыв.
И с шумом падает стена и слышен крик.
В ушах все громче, громче гул. Болят виски.
Мне кто-то руку протянул: «Вставай. Иди».
Я поднимаюсь. Я иду. Без слов. Без слез.
Невыносимая жара. В душе – мороз.
А у руин лежит старик и с ним дитя.
И страшно женщина кричит. В огне дома.
И понимаешь в этот миг, что значит жизнь.
Афганистан. Ночной Кабул мне не забыть.

Кабульские Гавроши

Несколько слов о кабульских мальчишках. Сколько боли и слез принесла эта война детям. И нашим, советским, чьи отцы не вернулись домой и афганским.

Часто приходилось бывать в детском доме «Ватан» («Родина»), где жили дети-сироты, чьи отцы пали от рук душманов. Как и все мальчишки они были полны планов и желаний. Никогда не забуду трех друзей, тринадцатилетних пареньков - сирот Захида Гуля, Даулята и Касвара, приходивших на курсы русского языка в ДСНК. Старательные, трудолюбивые, они уже через несколько месяцев не только сносно говорили по-русски, но и читали на литературных вечерах стихи Маяковского и Светлова, пели песни Великой Отечественной войны. Без скидок на юные годы они, будущие сержанты, вставали на ночные вахты и гордились мужеством своих отцов, принявших мученическую смерть от рук душманов.

Были среди кабульских Гаврошей и хитроватые, и доверчивые. Их доверчивостью пользовались душманы, посылая их на минные поля. Отправляли бандиты ребят и торговать мандаринами с тележек, в которые закладывались мины замедленного действия, от которых погибали невинные люди. А сколько ребят осталось калеками, подбирая взрывные устройства, похожие на игрушки.

Бедно одетые, чумазые афганские мальчишки крутились около дуканов, помогали торговцам. На большом овощном

кабульском рынке, Зеленке, пытались за мелкую монетку поднести сумки любой тяжести, поймать такси, всячески угодить. Сколько раз бежали они следом и за нашими солдатами, специалистами, женщинами, хватали цепко за рукав и кричали: «Давай бакшиш». У каждой революции, наверно, были свои Гавроши, которые потом становились настоящими, нужными и полезными стране людьми – учеными, инженерами, писателями, учителями.

Листая старые письма

День, когда приносили письма, становился настоящим праздником. Конечно, больше всего писем приходило от матерей, измученных тревогами ожиданием. Я получала письма от своих школьных и университетских друзей, родственников, приходили письма из института востоковедения, наполненные вопросами о положении в стране. Конечно, больше всего ждала писем из дома. Моя мама писала мне ежедневно, но так письма привозили не чаще раза в неделю, а то и с большими переборами, то я получала сразу три-четыре письма.

Сколько заботы и волнений было в этих строчках, сколько вопросов, на которые не всегда можно было дать ответ. Женщины-преподаватели находились в Кабуле без семей, и, получив письмо из дома, сначала спешили в свои комнаты читать, а потом все выходили в холл ДСНК или собирались у меня в библиотеке и читали уже вслух, смеялись и плакали, передавали присланные фотографии детей и внуков. Мужчины более сдержанно проявляли свои чувства, получив письма из дома, но скрыть свою грусть, если не было письма, мало кому удавалось, и тогда все начинали успокаивать и придумывать причины задержки. Представляю, как переживали в Союзе, когда задерживалось и не приходило ожидаемое письмо от сына или дочери. Сколько нервов, сколько слез, сколько выпитых сердечных капель. А правду, конечно же, нельзя было всю написать, да и ничего, кроме лишних переживаний, она не принесла бы близким. Поэтому и мы, и особенно, те, кто встречал рассветы на посту, шел в очередной бой, писали «святую» правду о цветущих розах, сладких фруктах и жарком солнце. Это я осознала физически, когда не стало уже моей мамы, и я нашла у нее под кроватью свой старый школьный

портфель, в котором хранились все мои пронумерованные письма и из Ирана, где мы работали в период исламской революции и ирано-иракской войны и все конверты полевой почты из Кабула. Пожелтевшие, аккуратно сложенные, сотни раз перечитанные, со следами слез, с подчеркнутыми местами. Сохранила мама и все мои стихи, которые я писала и посылала ей.

Я понимаю, как мучительно
Ждать писем из горячих точек.
Простите дочерей, родители.
Простите, матери, сыночков.
Вам каждый день хотя бы весточку.
Вам каждый день, хотя бы строчку.
Афганистан. Войной повенчаны
Все пожелтевшие листочки.

Где вы теперь, мои друзья?

Прошло двадцать лет, как выведен ограниченный контингент советских войск из Афганистана, а ведь там, в период боевых действий среди афганцев было у нас и немало настоящих друзей. За два с половиной года работы в Кабуле я познакомилась и подружилась с афганскими учителями и преподавателями вузов, журналистами, деятелями науки и культуры, военными, людьми из самых простых рабочих и крестьянских семей, студентами. Все эти юные и пожилые люди становились героями моих статей и стихов. Но особенно теплые дружеские отношения связывали меня профессионально с поэтами и писателями Афганистана, судьбы которых после вывода советских войск сложились по-разному. Одни из них погибли, другие продолжают жить в Афганистане или уехали за рубеж, с некоторыми, живущими в Москве, я продолжаю поддерживать отношения. И при каждой встрече набегают вновь воспоминания.

Осень 1980 года - период первых учредительных съездов, создававшихся в Афганистане Союзов журналистов и писателей. В тревожное время борьбы с контрреволюцией, на Форум писателей Афганистана в просторный зал одного из кабульских лицеев 4 октября 1980 года съехались 500 делегатов со всех провинций. Молодые делегаты были в

основном в военной форме, а аксакалы в каракулевых папахах, белых чалмах, в праздничных халатах.

Открыл съезд Хабиб Мангал – человек сложной судьбы, интересный глубокий писатель, долгое время работавший в Москве Чрезвычайным и полномочным послом. Будучи членом советско-афганского общества дружбы, я довольно часто с ним встречалась на мероприятиях общества и в посольстве. Тогда на Форуме была поставлена задача развития письменности, литературы и культуры всеми народностями и даже племенами.

На фоне робкой прозы и драматургии, поэзия, уходящая корнями в глубину веков, была традиционным, самым ярким, образным и самобытным жанром афганской литературы. И поэтов на Форуме было много. Возглавил правление Союза писателей Гулям Даस्ताгир Панджшири, известный уже в то время публицист, общественный деятель. Первые свои стихи Гулям написал в тюрьме, куда выпускник Кабульского университета за свои убеждения был брошен на 5 лет при режиме короля Дауда. Освобожден он был 27 апреля 1978 года, в первый день Победы апрельской революции восставшими солдатами. Сборник так и назывался «Стихи из тюрьмы». В годы работы в Кабуле я близко познакомилась с этим красивым, высоким человеком, много переводила на русский его патриотические, свободолюбивые стихи о стойкости и мужестве защитников революции, советских воинов, о многострадальном Афганистане, о любви и жизни. Гулям Даस्ताгир Панджшири неоднократно был героем моих очерков.

С Сулейманом Лаеком, известным поэтом старшего поколения, мне посчастливилось встречаться несколько раз еще в Москве, задолго до поездки в Кабул. Он приезжал на встречи с советскими писателями, так как его яркие, образные стихи издавали на русском языке. Хорошо зная русскую литературу, он переводил на языки народов Афганистана Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Был лауреатом Премии советско-афганской дружбы. Писать стихи стал в ранней молодости. Сборники его лирических стихов «Палатка кочевника», «Воспоминания», «Парус» были тепло встречены читателями.

Родившись в семье муллы, Сулейман вырос бунтарем и за участие в студенческих беспорядках был исключен из Кабульского университета. В период террора Амина прошел через самые страшные застенки тюрьмы Пули – Чархи. После Апрельской революции он стал Президентом Академии наук и министром по делам национальностей. И хотя его день был распisan по минутам, он с радостью находил время для встреч с советскими писателями. Вспоминаю, как в Кабул в 1986 году приехали из Москвы писатели Валерий Поваляев, Юрий Велихов и Ким Селихов. Лаек с радостью нас всех принял, рассуждал о роли литературы, сравнивая ее с колодцем, вода которого спасает в знойной пустыне караван от жажды, и признавался, что его лучшие стихи родились, когда в сердце бушевало пламя ярости против тех, кто нанес раны его родине. Немало написал Сулейман Лаек строк о мужестве и благородстве советских воинов-интернационалистов.

Первым председателем Союза писателей Афганистана был Асадулла Хабиб. С ним мы познакомились еще в Москве. Хабиб, родившийся в 1941 году, закончил филологический факультет Кабульского университета и учился в аспирантуре Института восточных языков при МГУ, в котором учился и мой муж. В период революционных преобразований в Афганистане он был ректором Кабульского университета, известным прозаиком, автором нескольких сборников повестей и рассказов. Но поэзия была для него первой необходимостью. «Без поэзии я бескрылый человек», - любил повторять Асадулла. Со своими лирическими стихами, имевшими глубокий философский подтекст, он часть выступал в воинских частях. Его строки, обращенные к матери, стали своеобразной солдатской клятвой:

«Если в грудь буду ранен, ты слезами сумеешь меня поднять,

Если в спину, то, родная, слез своих на меня ты не трать».

Часто вспоминаю уютный небольшой дом в одном из отдаленных районов Кабула, утопающий в зелени фруктового сада, гостеприимную большую семью, ароматный плов и долгие чаепития с восточными сладостями, всегда сопровождавшиеся чтением стихов.

Здесь жил наш хороший друг Мир Абдул Кадыр Ахбар. Родившийся в 1939 году в провинции Парван, Ахбар окончил

Ленинградский институт культуры и аспирантуру ЛГУ. Он прекрасно владел русским языком и его книги издавались на русском и украинском. О жизни и творчестве интересного поэта и широко образованного человека, автора стихов, призывающих к мирному труду, воспевающих Москву, и благородные поступки воинов - интернационалистов, я неоднократно писала в газете «Советская культура», в журнале «Детская литература», переводила его стихи, последняя подборка переводов стихов Ахбара включена в мою книгу «Одни нам светят звезды». После вывода советских войск Ахбар приехал жить в Советский Союз. Сейчас вместе с семьей он живет в Германии, но по-прежнему, как самые лучшие в своей жизни вспоминает годы, проведенные в Ленинграде и Москве.

Человеком-легендой при жизни стал Фарид Маздак, член Союза писателей Афганистана, организатор первой Всеафганской конференции молодых писателей, в которой участвовало более 500 молодых авторов. Стихи Фарид начал писать в 16 лет в тюрьме Пули-Чархи, куда попал при режиме Амина. Нечеловеческим пыткам электрическим током подвергся юный узник. Ему переломали суставы пальцев рук, более года провел юноша в одиночной камере, узкой и темной на голом цементном полу. В этих страшных условиях родились первые стихи, посвященные многострадальной родине и народу. Из тюрьмы вышел Фарид с совершенно седыми прядями густых волос. Занялся общественной и политической деятельностью, стал собирать молодых талантливых юношей и девушек в литературные объединения, печатать в газетах и журналах. Фарид издал первый сборник 22 молодых, «революцией призванных» поэтов.

Частым гостем в ДСНК был Барек Шафии. Страстные, смелые, эмоциональные стихи молодого поэта звучали на митингах, в студенческих аудиториях, в воинских частях. Барек был главным редактором журнала «Жвандун» («Слово»), в котором часто публиковались и мои статьи. Барек Шафии считал своим учителем Горького, хорошо знал советскую литературу. Мужество и оптимизм были основными мотивами его творчества.

Мои стихи - глоток добра.
Они, любя и побеждая,

Войдут в любые времена,
Строкой насилье побеждая».

(перевод Л. Авдеевой)

Молодым человеком в годы моей работы в Кабуле был Кавун Туфани. В свои неполные тридцать лет он возглавил газету «Правда Апрельской революции», был членом президиума и ответственным секретарем Организации литераторов. Для написания стихов у него почти не было времени, но не писать он не мог, говоря, что «стихи соединяют его сердце с сердцами простых людей». Кувун писал много стихов гражданского звучания:

«Не требуй от растрескавшихся губ ты нежных песен.

Пишу стихи я кровью сердца. Но не груб. И стих мой вечен».

Немало стихов молодой поэт посвятил дружбе наших народов и был награжден премией советско-афганской дружбы. В своем стихотворении «Отчизна» Кавун Туфани писал:

«Моя жизнь - тебе! Моя смерть – за тебя!

Ты мой отчий дом. Ты моя Земля.

Я на все готов ради тебя.

Ты навеки со мной, Отчизна моя».

(пер. Л. Авдеевой)

Часто вспоминаю и совсем юного Абдуллу Наби, который бросил обучение медицине во Франции и вернулся в революционный Афганистан, чтобы весь пыл своего двадцатилетнего горячего сердца отдать Родине. Его юношеские стихи печатались в газетах, ему принадлежали слова молодежных гимнов. Как дальше сложилась судьба этого талантливого юноши мне не известно.

А сколько еще имен чистых, светлых, талантливых людей, отдававших свое творчество Отечеству, приравняв свое перо к штыку, приходит на память. Абдулла Бахтани, Нарулла Хафиз, Акрам Усман, Лейла Кавьян, Рафат Хусейни и многие другие, среди которых были и мои студенты, так страстно изучавшие русский язык и русскую историю, верящие в светлые идеалы Правды и Добра. Как сложились их нелегкие судьбы?

Где вы теперь мои друзья? Кавун, Барек, Абхар.

С чужбины ваши голоса не слышит Кандагар.

Кабул давно без вас грустит. Герат без вас в тоске.

Фарида добрые глаза, когда приснитесь мне?
В Джелалабаде дом пустой. Напрасно ждут сады.
Вы знаете, как пахнет кровь, цвет смерти и беды.
Но верю, милые друзья, что даже на чужбине
Услышат ваши голоса, узнает мать о сыне.
И вновь любимая страна откроет настежь двери.
Мои афганские друзья, живите, в это веря.

Возвращение

Наступил февраль 1988 года. Уже начинался вывод наших войск из Афганистана. Пришел приказ и о нашем возвращении на Родину. Радость переплеталась с грустью расставания с людьми, с которыми стали близки по духу, убеждениям, интересам. Печально было расставаться и со своими афганскими друзьями, так как понимали, что впереди у них нелегкие годы и, возможно, увидеться никогда больше не придется. Но дома нас ждали родственники, близкие друзья, коллеги.

В аэропорту меня встречала постаревшая мама в окружении моих школьных подруг. Объяты, поцелуи, непрекращающиеся слезы. Первую ночь не ложились. Отвечали на телефонные звонки друзей, что-то рассказывали и не верили, что мы дома, в родной квартире на Новой Басманной улице.

Жизнь пошла своим чередом. Муж вернулся в ССОД заведовать отделом стран Ближнего и Среднего Востока, ответственным секретарем общества советско-афганской дружбы, а я снова работала редактором и корреспондентом, занялась вплотную литературным трудом.

Будучи членом Комитета московских литераторов, вступила в Союз писателей Москвы и России, в Международную федерацию журналистов, являюсь членом благотворительного совета Московского фонда культуры, руковожу литературными студиями. За прошедшие годы изданы более 20 книг лирики, сборники стихов для детей, поэтическая серия «На рубеже веков», в которую я включила свои поэтические книги «Не разлучай людей война», «Дорогами Победы», «У памяти в плену», посвященную героическим и трагическим событиям афганской войны.

Стала я одним из авторов академического издания справочника «Современный Афганистан», выпущенного Институтом востоковедения РАН.

Были за эти годы и другие командировки в страны Среднего Востока, Азии, Европы (Пакистан, Индия, Непал, Иран, Турция, Италия, Финляндия, Швеция). Всем этим странам посвящены мои поэтические книги, научные статьи. Но чаще всего возвращает память к афганским событиям.

Я участвовала во многих московских и Международных поэтических конкурсах, в том числе и со стихами военной афганской тематики. Стала лауреатом конкурсов «Авторов патриотической песни», «Строкой стиха Победу славим», конкурса песен о российской армии. Награждена дипломом Московского Фонда культуры «За духовность, гражданственность, любовь к Отечеству», специальным призом Военной Академии РВНС им. Петра Великого в Санкт-Петербурге.

Дорожу своими профессиональными медалями за литературный труд, особенно Пушкинской юбилейной, «Ревнителю просвещения», грантом Назыма Хикмета, который получила в апреле 2008 года в Турции на 3-м Международном стамбульском фестивале поэзии.

Самой большой и очень приятной неожиданностью и радостью стало награждение в феврале 2008 года медалью «За верность долгу и Отечеству», которую я вместе с медалями «Ветеран-интернационалист», «За вклад в дело дружбы» храню, как зеницу ока, как память о павших.

Есть у меня особая награда.

В моей душе болит Афганистан.

Награда эта память о ребятах,

Что не смогли вернуться к матерям.

Награда эта память о Кабуле,

О знойном ветре, о боях в горах.

За то, что нас помиловали пули,

Оставив боль в израненных сердцах.

Во имя павших и живых

Поэты Востока считали, что прошлое ушло, будущее может не наступить, поэтому надо воспевать настоящее. Но если мы забудем прошлое, то будущее действительно может

не наступить. Те, кто прошел Афганистан, много повидав и испытав, узнали истинную цену добру и злу, горю и счастью, настоящей дружбе и преданной любви. Мы научились отличать мнимое, наносное от подлинного, настоящего.

После Афганистана я стала многое оценивать новыми мерками, прочувствовав, пропустив сквозь сердце такую до слез, до боли простую истину, что Человек рожден не для войны, а для мирной жизни.

Говорят, время лечит раны. 20 лет отделяют нас от вывода Ограниченного контингента советских войск с территории Афганистана. Но тех, кто был участником и очевидцем уже далеких героических и одновременно трагических событий Память вновь и вновь возвращает к пережитому, врывается в сны и воспоминания.

Поэтому, наверно, и я, несмотря на то, что за прошедшие годы в моей жизни было много запоминающихся событий, и жизнь складывалась более - менее стабильно, постоянно чувствую потребность встретиться с теми, кто был в Афгане, еще и еще раз напомнить о тех незабываемых годах своим слушателям на поэтических вечерах.

Продолжают рождаться и поэтические строки, посвященные афганской земле. К двадцатилетию вывода войск выйдет моя книга «Одни нам светят звезды» (стихи из афганских дневников). Вместе с мужем состоим в «Объединении ветеранов войны в Афганистане» Басманного района, председателем и создателем которого стал Дмитрий Попов, который совсем юным девятнадцатилетним юношей увидел истинное лицо афганской войны.

Как выяснилось, мы в одни годы были в Афганистане, но пути наши там не пересеклись, а здесь в Москве мы оказались жителями одного района и теперь Дмитрий Игоревич - депутат муниципального собрания Басманного района, как председатель Объединения, человек с беспокойной душой стремится максимально поддержать тех, кого опалила навеки афганское пекло.

«Память - великая завиральница, - писала русская поэтесса Анна Ахматова, - Мы помним не факты, а наши воспоминания о них». Память, раненая Афганистаном, помнит и никогда не забудет самые мельчайшие факты и детали каждого из 9 лет, 1 месяца и 18 дней войны.

От горькой правды нет спасенья.
Ее не скрыть, не спрятать в ящик.
Она в моих стихотвореньях.
В сердцах героев настоящих.
В слезах сирот, отцов не знавших,
В глазах у вдов, меж строчек в письмах.
Простоволосая, босая стоит она у обелисков.
Во имя павших и живых, во имя завтрашнего дня
Переплавливаю боль в стихи всю ночь до самого утра.

Декабрь 2008 года.